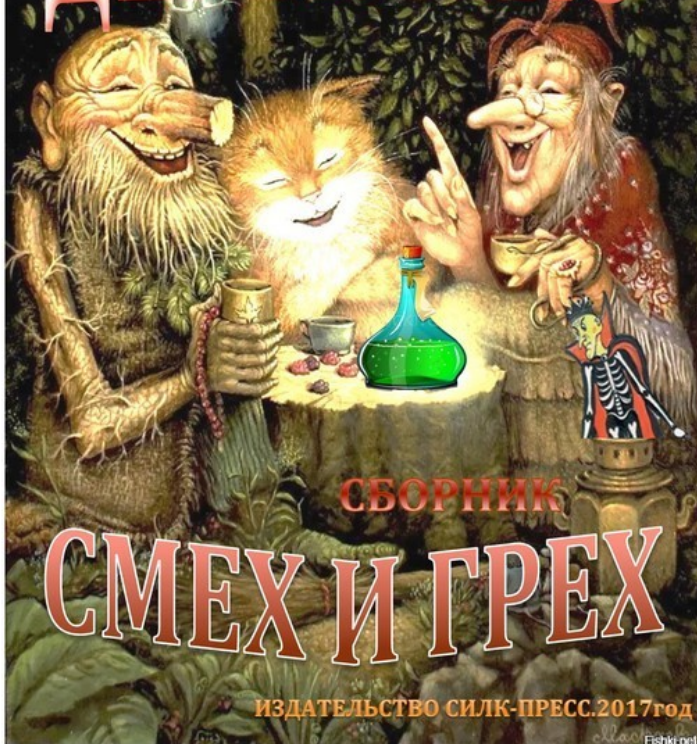

ИЛЯ ДЕРЕВЯНКО

СБОРНИК

СМЕХ И ГРЕХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИЛК-ПРЕСС. 2017 год

Fishki.net

Илья Деревянко

Смех и грех (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27101596
ISBN 978-5-6040077-0-9

Аннотация

Ситуации в жизни бывают разные: высокопоставленные гос. чиновники попадают скопом в мистическую ловушку, продажный мент перемещается в параллельные через канализационные люки, праздные туристы попадают в заколдованный город, где с них разом слетают все маски, а кандидат в меры вдруг, против своей воли, начинает говорить правду перед большим скоплением народа... И дураки бывают разные: кто-то лишается ума от зависти, кто-то от жадности, кто-то за компанию, а кто-то таким уже и родился... Читайте, смейтесь и... не обижайтесь, если узнаете в наших героях самих себя. Ведь обижаться на правду – первый признак глупости!

В состав сборника входят следующие произведения: Кашеева могила, Последняя надежда, Манькино зелье, Перемещение, Элексир честности, Западня, Бриллиантовый психоз.

Содержание

Кащеева могила	4
Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Илья Деревянко

Смех и грех...

(сборник)

Кащеева могила

Пролог

Начало этой истории уходит корнями в глубокое прошлое, когда Иван-Царевич (по другой версии Иван-Дурак) разыскал яйцо, в котором хранилась смерть Кащея Бессмертного, сломал иглу, и злодей помер! Грянулся он оземь в глухом лесу, неподалеку от маленькой деревушки, основанной беглыми каторжниками и вышедшими на пенсию разбойниками, — да так сильно, что листья посыпались с деревьев, а в избе Федьки Кривого, бывшего некогда атаманом, а сейчас — кем-то вроде старосты, свалилась со стола огромная бутылка самогона, на которую он в данный момент вожделенно взирал, собираясь употребить вовнутрь. Вид любимого напитка, разлившегося по полу бесформенной лужей, привел Федьку в такую ярость, что он тут же кинул клич, созывая народ, дабы покарать неизвестного супостата. Когда

жители деревни, вооруженные кистенями, ножами и дубинами, прибыли к месту происшествия, оказалось, что супостат мертв. Это был высокий, худой, как скелет, старик, одетый в переливчатый кафтан неизвестной ткани, усыпанной золотом и драгоценными камнями. Их блеск привел разбойников в неопишемое волнение, но что-то мешало ограбить мертвеца.

От него исходила такая мощная аура зла, что и у закоренелых душегубов зашевелились волосы на голове, а некоторые даже перекрестились. Тут кое-кто припомнил бабушкины сказки, и покойника наконец опознали.

– Это же Кашей Бессмертный, – пробормотал бывший монах Игнатий, изгнанный из монастыря за пьянство и пристрастие к слабому полу, – прибили-таки гада! Не подходи! – крикнул он одному из наиболее храбрых разбойников, решившемуся снять с Кашеевой шеи золотой медальон. – На веки проклят будешь!

В бытность свою в монастыре Игнатий как-то нашел древнюю рукопись¹, где говорилось о вечном проклятии, которое падет на голову каждого, кто притронется к Кашеевым сокровищам. В чем оно заключается, Игнатий точно не уразумел, поскольку мучился с похмелья. Понял только, что выйдет наружу и примет самые жуткие формы зло, заключенное в душе. Проклятие не страшно было лишь человеку на-

¹ Рукопись эта, к сожалению, до сих пор не найдена. Очевидно, сгорела во время очередного татарского набега. (Здесь и далее примечания автора.)

божному, безгрешному, но таковых, как подозревал Игнатий, среди жителей деревни не имелось.

Все это он вкратце объяснил односельчанам. Бывший монах пользовался у них уважением благодаря грамотности и недюжинной физической силе, поэтому люди не стали прилагиваться к мертвецу, а завалили тело камнями да насыпали сверху высокий могильный холм, в вершину которого вбили для верности осиновый кол.

Прошли годы, затем века, известия об этом событии почти стерлись из памяти потомков, сохранившись лишь в виде смутных преданий, в которых весьма туманно говорилось о могиле Кашея, золоте и каком-то проклятии.

Благодаря этим легендам городок, выросший на месте деревушки, был именован Кашеев. Так он и назывался вплоть до пришествия Советской власти. Комиссару Кацману, освободившему город от белых, которых там, по правде сказать, и не было, название Кашеев показалось недостаточно революционным, и городок был переименован в Краснокашеев.

Лишь во второй половине 80-х годов, в период перестройки и гласности, городу было возвращено историческое название. А в начале 90-х в Кашеев прибыла археологическая экспедиция во главе с профессором Неустроевым. Сергей Сергеевич Неустроев, несмотря на ученую степень доктора наук и профессорское звание, в практической археологии не особо преуспел, так как почти все время уделял интригам против своих коллег, и потому на раскопках бывал редко.

Единственной его существенной находкой являлась баранья кость шестнадцатого века, обгрызенная каким-то опричником Ивана Грозного и выброшенная оным в окно собственной усадьбы.

Несколько лет спекулировал Неустроев на этой кости, сочинил монографию, ряд статей, но наконец понял, что тема себя исчерпала. Нужно было что-то свежее, неординарное, могущее привлечь внимание ученых, желательно зарубежных, и, случайно наткнувшись на легенду о Кашеевой могиле, Сергей Сергеевич ухватился за нее как утопающий за соломинку.

Несколько месяцев проползал он на четвереньках в окрестностях города и наконец обнаружил полуосыпавшийся холм, в вершину которого была вбита какая-то трухлявая деревяшка.

Поиски профессора не ускользнули от внимания местных властей, а именно мэра города (в прошлом секретаря райкома) Аркадия Кимовича Шевцова и начальника отделения милиции капитана Георгия Андреевича Катова, которого местные жители называли втихомолку Гадовым. Обе высокопоставленные особы пожелали присутствовать при вскрытии могилы.

Студенты и аспиранты, составлявшие рабочую силу экспедиции, усердно работали лопатами, раскидывая слежавшуюся землю, пока наконец не показалась куча больших валунов, из-под которой что-то поблескивало.

– Посторонних попрошу удалиться! – завопил Катов, немедленно окружая поляну усиленным нарядом милиции. Под посторонними он подразумевал всех, кроме себя, мэра и, ну да хрен с ним, профессора.

– А то еще разворуют, сволочи! – пояснил оставшимся свои действия капитан.

Подгоняемые матюгами и ударами резиновых дубинок, археологи уныло побрели к городу.

– За работу, бездельники! – рывкнул Катов на подчиненных, и те, замороженные свирепым взором начальства, раскидали груды камней в мгновение ока. Тогда-то присутствующие и увидели Кашея. Тот сохранился великолепно, как будто не пролежал мертвым многие сотни лет.

– Вот это да!! – прошептал мэр Шевцов. – До чего на нашего областного прокурора похож! Надо его в краеведческом музее выставить, все ж таки в некотором роде основатель города! – немного поразмыслив, добавил он.

– Раз, два – взяли! – не долго думая, скомандовал Катов. Но когда люди притронулись к Кашею, они на мгновение замерли, охваченные ледящим ужасом. Губы покойного растянулись в ехидной усмешке, а из груди вырвался хриплый издевательский хохот. В тот же момент тело рассыпалось в прах.

– Га-галлюцинация, бы-бывает! – заикаясь, пробормотал профессор.

Несмотря на то, что Кашей рассыпался, одежда и драго-

ценности остались в полной сохранности. С целью обеспечения безопасности от возможных злоумышленников, а также до получения указаний из центра их было решено перенести в отделение милиции.

Это и послужило началом тех страшных, фантастических событий, о которых мы хотим рассказать читателю.

Глава 1

– Наша фирма «Мираж» является лучшей туристической фирмой в России и ближайшем зарубежье. – Перед группой туристов катался жирным коlobком глава фирмы Борис Яковлевич Шуллерман.

Он возбужденно размахивал короткими сальными ручками, поминутно тыкая ими в огромный плакат, на котором был изображен акварелью суперотель, стоящий посреди хвойного леса на высоком холме. Рядом с отелем виднелись шикарный теннисный корт, крытый плавательный бассейн и прочие прелести туристической цивилизации.

– Трехразовое питание, превосходящие по качеству блюда лучших валютных ресторанов столицы, сауна, бильярд! Каждый номер оборудован кондиционером, телефоном, цветным телевизором, видеомагнитофоном, стереосистемой, отдельной ванной. Вам неслыханно повезло, господа! И всего каких-то жалких 700 долларов в месяц!

Борис Яковлевич перевел дух. Это была шестая и последняя группа туристов, которую он отправлял сегодня, поэтому язык господина Шуллермана изрядно устал от вранья. Дело в том, что все вышеописанные красоты существовали только на акварельном плакате. Это была самая ловкая афера, придуманная им за последнее время.

Группы туристов отправлялись все в один день по ли-

повым маршрутам взятыми напрокат автобусами. Водители, решившие подхалтурить, не были в курсе шуллермановских махинаций. Каждому выдали карту, на которой жирным кружком изображался мифический отель. Что там находится на самом деле, не знал никто, даже господин Шуллерман. Впрочем, данное обстоятельство его абсолютно не беспокоило, поскольку уже сегодня ровно в 18 ч. 30 мин. он должен был сидеть в мягком кресле авиалайнера, направлявшегося к земле предков. Когда разгневанные туристы и обманутые водители (им обещали заплатить позднее) вернутся, Борис Яковлевич будет далеко. Восхищенный этой мыслью, он тихонечко хихикнул, потирая ладошки.

– Короче, колобок, когда выезжаем?! – буркнул один из туристов, высокий мускулистый парень.

Борис Яковлевич хотел было возмутиться по поводу столь некорректной реплики, но, встретившись с тяжелым взглядом холодных серых глаз, прикусил язык, мгновенно сообразив, с кем имеет дело. Зверская физиономия, боксерский нос и косой шрам на щеке не оставляли сомнения в том, что это либо бандит, либо офицер ОМОНа. Скромно потупившись, Шуллерман доложил, что автобус прибудет через полчаса. Удовлетворенный этим, парень отвел глаза.

Проницательный Борис Яковлевич оказался прав. Виктор Светлов действительно был бандитом, причем весьма известным в определенных кругах. С трудом выкарабкавшись из очередного запоя, он решил поправить расшатанные нер-

вы и таким образом очутился в сетях фирмы «Мираж». Масляная физиономия Шуллермана Вите не нравилась, но еще больше не хотелось ему идти домой, где обрывали телефон осточертевшие любовницы и высилась гора немытой посуды.

Проглотив три таблетки элениума, чтобы подавить внезапно вспыхнувшее желание выпить, Витя принялся разглядывать остальных членов группы.

«Две девицы: одна миловидная, в элегантном платье (не иначе валютная), другая вульгарная, ярко размазанная (дешевка!); почтенная супружеская чета общим весом килограммов двести пятьдесят (хрен с ними!); крикливо одетый юнец с претензиями на крутость, но трусоватой рожей (мелкий барыга, спекулянт!); свинорылый бугай (прапор, небось нажился, падло, на конверсии!); низенький толстый тип с глазами хорька и злобненькой улыбочкой (до чего на гаишника похож!) и, наконец, два прилизанных молодых человека во франтоватых костюмах и с блудливыми глазами. Явно бизнесмены из разряда вечных должников (ух вы, мои хорошие, жаль что на отдыхе я!)». Составив для себя таким образом мнение об окружающих, Виктор лениво развалился в кресле с сигаретой в зубах².

За окном послышался шум подъехавшего автобуса.

– А вот и транспорт, господа, – расплылся Шуллерман в лучезарной улыбке.

Туристы заторопились к выходу. Последним вышел Витя.

² Как мы увидим в дальнейшем, он оказался прекрасным психологом.

– Ах, козел, ты нас что, на кладбище везти собрался?! – зарычал он, хватая Шуллермана за шиворот. Автобус оказался похоронным, фирмы «Ритуал».

– С транспортом пробле... – заблеял было Борис Яковлевич, но осекся. Железная рука тисками сдавила ему горло.

– Вы что себе позволяете, гражданин! – взвился было «хорек», но, услышав в ответ «Глохни, падло!», замолчал, внезапно вспомнив, что при нем нет ни формы, ни пистолета, ни удостоверения.

Полузадушенный Борис Яковлевич хрипел, прощаясь с жизнью, когда Витя отшвырнул его в сторону.

– Черт с тобой, живи пока, – пробурчал он, остывая, и первым полез в автобус. «Не стоит зря трепать нервы, отпуск все-таки», – подумал про себя Витя, удобно устроился около окна и задремал. Когда остальные туристы, несколько смущенные произошедшим инцидентом, заняли свои места, автобус, старчески пыхтя и дребезжа изношенными деталями, двинулся в путь.

Близился вечер. Дорога, если можно так назвать пыльную, покрытую колдобинами просеку в лесу, петляла среди деревьев. Судя по времени и по карте, суперотель должен был находиться где-то рядом. Витя с хрустом потянулся, открывая глаза.

– Ну что, скоро? – лениво обратился он к шоферу. Тот кивнул, не отрываясь от карты.

– А ведь Шуллерман обманул нас, придурков, – вдруг хрипло, зло рассмеялся Светлов, бросив короткий взгляд в окно. – Лес-то явно не хвойный!

Лес был действительно не хвойный и какой-то уж очень мрачный. Ветви деревьев, кривых и полузасохших, уныло нависали над дорогой. Трава была блеклой и пыльной. Вдали послышался волчий вой.

– Мне страшно, – пискнула одна из девушек, а все остальные почувствовали себя неудобно.

– Ты прав, парень, нас действительно крупно провели, – обернулся к Вите шофер, останавливая автобус. – Вот то место, где, судя по карте, должен находиться отель.

Туристы вылезли из машины. Они очутились посреди большой поляны. Тут и впрямь высился холм, но отеля на нем не было. Более того, на поляне не было вообще ничего, кроме покосившегося указателя, сообщавшего, что город Кашеев располагается в двух километрах отсюда.

Некоторое время все туристы дружно ругались, выдумывая для проходимца Шуллермана самые изощренные пытки. Изобретательность этих благопристойных господ заставила бы помереть от зависти любого садиста высшей квалификации. Один лишь Витя хмуро молчал. Наконец накал страстей пошел на убыль.

– Зря орете, бараны, – пробурчал Светлов. – Шуллермана теперь не достать, не такой он дурак, чтоб, захавав денежки, нас, олухов, дожидаться!

– Что же делать? – жалобным хором взывала толстая супружеская чета.

– Что делать, что делать! До дому добираться!

– А бензин-то кончается, – вставил свою реплику шофер. Это вызвало новый взрыв ругани.

– Рядом город, там можно заправиться, – остудила пыл честной компании одна из девушек, та, которая не размалеванная.

Кряхтя от старости и усталости, автобус снова тронулся с места. Дорога понемногу расширялась, постепенно приобретая более приличный вид. Показались первые дома и при самом въезде в город – застекленная будка поста ГАИ. Около нее на обочине стояло несколько машин различных марок, но ни гаишников, ни пойманных бедолаг-водителей почему-то видно не было. Весь асфальт около будки и ступеньки, ведущие внутрь, покрывали бурые пятна, подозрительно напоминающие кровь.

«Пришили небось легавых, – ехидно подумал Витя, – вот потеха-то!»

По правде сказать, городок казался весьма странным. На улицах не было видно ни одной живой души, а все окна плотно закрыты ставнями. Даже двухэтажный дом, покрытый облезлой красной краской, не подавал признаков жизни, хотя вывеска на дверях и пара «воронков» у подъезда ясно свидетельствовали, что это отделение милиции.

Притихшие туристы удивленно поглядывали в окна.

– Может, у них тут эпидемия была? – проскулила размазанная девица.

– Сама ты эпидемия! – ответил свинорылый бугай тонким, визгливым голосом, в котором чувствовался плохо скрытый страх.

– Где ж в этом е... ном городишке заправка? – неожиданно зарычал разъяренный водитель. Он уже ясно представлял, какой скандал закатит ему дома жена-мегера.

Автобус выполз на центральную площадь города, последний раз чихнул мотором и заглох.

– Кина не будет, кинщик спился, – вынес свое резюме Светлов и хрипло захохотал. – Ха-ха, ну и лох³ же я, ну и мудила, на такую дешевку купился! Братва со смеху околеет!

Остальные не разделили Витиного веселья, принявшись каждый по-своему выражать возмущение. Шофер долго возился с мотором и вылез оттуда через полчаса, грязный и злой как черт:

– Кина действительно не будет, здесь ремонта на два дня!

– Надо искать ночлег, – наконец отсмеявшись, додумался Витя.

После бурных дебатов (кое-кто предлагал остаться в автобусе, а то вдруг шофер врет, возьмет да и уедет налегке!) люди выбрались наружу. Площадь оказалась маленькой и порядком загаженной. Судя по всему, местные дворники вымерли еще раньше динозавров. Слева высилось здание мэ-

³ Дурак, простак, недотепа (на блатном жаргоне.)

рии. Перед ним красовался памятник Ленину, около которого валялись какие-то объедки, а справа (о счастье!) двухэтажное здание с покосившейся вывеской: кооперативная гостиница «Мечта». Все двинулись по направлению к ней, правда, похожий на хорька толстячок, в котором Светлов безошибочно распознал гаишника, что-то злобно шипел насчет буржуев.

Так же, как и весь город, гостиница производила странное впечатление. На дверях и закрытых ставнях окон были прибиты большие деревянные кресты, а в остальных местах, где только можно, развешаны гирлянды чеснока.

Звонок долго надрывался внутри на первый взгляд пустого здания, пока, наконец, не послышались чьи-то тяжелые шаги. Скрипучая дверь медленно отворилась. На пороге показался огромного роста бородатый мужик. В руках он держал охотничий полуавтоматический карабин и угрюмо разглядывал наших туристов.

– Пули двенадцатого калибра, – после некоторого молчания сообщил он и неожиданно добавил: – Серебряные!

– Ты чего, земляк, с цепи сорвался? – поразился шофер. – Мы только переночевать хотели!

Мужик опять задумался, затем, не снимая пальца со спускового крючка, искоса глянул на часы.

– До заката пятнадцать минут, значит, они не из «этих», – пробормотал здоровяк себе под нос и уже громче пригласил: – Заходите.

Глава 2

Туристы расселись в столовой около электрического камина и, дожидаясь ужина, принялись знакомиться. Чтобы не утомлять читателя, скажем, что профессии их Витя определил абсолютно верно.

Проститутку звали Света.

Размалеванную – Марина.

Братьев коммерсантов – Сергей и Аркадий Рыбаковы.

Гаишника – Семен Учватов.

Мелкого барыгу – Федя Палихин.

Толстых супругов – Анна Матвеевна и Владлен Изотопович Марципановы.

Свинорылого прапорщика-ворюгу – Александр Воеводин и, наконец, шофер назвался Колей.

Для полной ясности остается лишь добавить, что «размалеванная дешевка» оказалась дочкой богатых родителей и студенткой престижного института, а Марципановы – руководящими сотрудниками мясокомбината. (Естественно, что профессию свою назвали не все, это я вам сообщаю так, по секрету, только вы никому, ладно?!)

Вскоре появился хозяин гостиницы и выдал каждому по бутерброду с колбасой, по тарелке яичницы и стакану чая.

– Уж не обессудьте, что не густо, – виновато произнес он, – с продуктами здесь туговато!

Тем временем полностью стемнело. Туристы уже почти прикончили скудную трапезу, как вдруг ночная тишина за окном ожила, причем самым что ни на есть непотребным образом. Где-то рядом послышался скулеж, визг, вой целой стаи шакалов. Это было настолько неожиданно, что все невольно вздрогнули, даже выдавший виды Светлов. Любопытные девицы моментально прилипли к щелям в оконных ставнях. Взорам их представилась удивительная картина. Вокруг памятника Ленину расселись кружком несколько шакалов, а точнее, шестеро. Подняв морды к лику вождя и преданно глядя на него, они визжали на разные голоса. Громче всех изливал свою любовь самый крупный зверь, тут девицы разом протерли глаза, и он был в очках!

Омерзительный концерт продолжался минут пять и наконец стал стихать, очевидно, певцы выдохлись.

– Простите, дорогой Владимир Ильич, – сказал очкастый шакал человеческим голосом, – нас ждут дела, но мы еще вернемся, споем революционные песни!

Тут слабонервная Марина хлопнулась в обморок, а более хладнокровная Света, много в своей жизни гадости повидавшая, разинув рот, уставилась на хозяина гостиницы.

– Очкастый – наш мэр Шевцов, остальные его сотрудники, – как ни в чем не бывало объяснил тот. – Днем Шевцов сидит в мэрии, городом управляет, а ночью... ну, ты сама видела! Самый поганый из них, детей ворует, сволочь, у остальных на это силенок не хватает, они все больше по ча-

сти домашней птицы. Вот и у меня двух кур уперли на днях.

– Слышь, мужик, как тебя, Вася? Что здесь за херня творится? – спросил Светлов, в то время как остальные туристы были либо полностью шокированы, либо (это Учватов и Марципановы) скептически хмыкали, многозначительно вертя пальцем у виска.

– Повертите, повертите, – бросил им Вася, – может, подкрутите гайки, мозги и заработают. А творится здесь...

Тут речь его прервал жалобный вопль на улице, который тут же был заглушен дьявольским хохотом и улюлюканьем.

– Это наши гаишники, – хладнокровно пояснил Вася, – опять какого-то беднягу проезжего поймали, кровь высасывают.

– Так это они везде так, – понимающе хмыкнул Витя.

– Да нет, у нас это в прямом смысле делается...

– Как вы смеете оскорблять правоохранительные органы, – взвизгнул Учватов, – я как офицер милиции...

– Если ты «как офицер милиции» еще раз пасть свою поганую разинешь, – поднялся с места Светлов, – я тебя, падлю, в сортире утоплю. Есть тут деревенский сортир? – обернулся он к Васе. Тот кивнул. – Ну вот, там и сдохнешь, мусор!

Учватов в ответ благоразумно промолчал и забился в угол, бросая оттуда злобные взгляды.

– Значит, ты спрашиваешь, что здесь творится? – спокойно продолжил хозяин гостиницы. – Что ж, послушай...

Тут он изложил потрясенным гостям историю с Кашее-

выми сокровищами, начало которой уже известно читателю, поэтому мы его опускаем и начнем с того момента, когда золото было доставлено в отделение милиции.

«... Когда золото принесли в отделение, а было это сразу после захода солнца, со всеми, кто к нему притронулся, стали происходить странные метаморфозы. У ментов выросли клыки и появилась жажда крови. Лишь один, самый молодой – хороший был мальчик – остался в прежнем облике. Ну, они его тут же загрызли! Мэр с профессором взвизгнули, перевернулись через голову и стали шакалами-оборотнями. Мэр Шевцов, обнаружив в профессоре родственную душу, немедленно зачислил его к себе в штат. Менты днем дрыхнут, а от заката до восхода солнца охотятся на людей. В первую же ночь они изловили и высосали кровь у нескольких местных алкашей, после чего три дня блевали денатуратом. Теперь в основном хватают проезжих водителей, те вкуснее, так как большей частью трезвые. Видели пятна крови у поста ГАИ? То-то же! Излюбленное место охоты. Шевцов, как и собирался, выставил Кашеевы сокровища в краеведческом музее. Каждому разрешено потрогать их, а если хочешь – забрать. Приватизация, мол! Люди, конечно, сразу насторожились, тем более что слухи у нас быстро расходятся, но некоторые клюнули: кто из глупости, кто из жадности, а кто из подхалимства, как сотрудники мэрии, например. Ну, само собой, каждый стал тем, кем был в душе. Например, рэкетир местный, недавно с отсидки вернувшийся, в волка-обо-

ротня превратился. Двух торгашей здешних, Барыгина и Автандилова, сожрал, паразит, даже костей не оставил. Правда тех, кто дань платить согласился, не трогает, да и обычными гражданами брезгует, костлявые, дескать...»

За дверью послышалось глухое, требовательное рычание.

– А вот он, собственной персоной! – Тяжело вздохнув, Вася достал из холодильника баранью ляжку и пошел открывать дверь.

На пороге появился огромных размеров волчина, глаза которого горели зеленым пламенем. Он важно принял подношение, но есть не торопился, внимательно оглядывая присутствующих. Бизнесмены съежились. Глаза оборотня остановились на Светлове.

– Витька, кореш! – восторженно завопил он и, перекувыркнувшись через голову, превратился в здорового детину, усеянного наколками.

– Женька, Круглов?! – в свою очередь удивился тот, и оба бандита кинулись обниматься.

– Мы с ним вместе на киче парились⁴, – по ходу дела объяснил Светлов.

Некоторое время уголовники тискали друг друга в объятиях, поминая общих знакомых: кто вышел, кто еще сидит, кого завалили⁵... При этом Женька время от времени жадно поглядывал на коммерсантов, отчего те начинали трястись

⁴ Сидели в тюрьме.

⁵ Убили.

как в лихорадке.

– Интересные дела у вас здесь творятся, – сказал Витя, когда взаимные восторги несколько поутихли. – Особенно меня прикалывает шакал в очках, – Светлов захохотал, – что, все коммуняки такими стали?

– Да нет, – ухмыльнулся Женя, – эти шакалы только по ночам преданность Ильичу выражают, а днем, как и положено, за демократию ратуют, с пеной на губах о гласности кричат. Зато есть у нас один непримиримый, не поступившийся принципами, товарищ Рожков. Он раз в неделю собирает алкашей, выдает им по бутылке, и они день-деньской носят с красным флагом вокруг мэрии. Правда, товарищ Рожков хоть не поступился принципами, да на Кашеевы богатства польстился. Поэтому каждую ночь он превращается в чурбан и так стоит до утра. Шакалы, которым Рожков своими демонстрациями жизнь отравляет, ночью не упускают случая помочиться на него. От этого Рожков становится еще непримиримее. Гы-гы-гы!..

В углу послышалось какое-то шуршание, и через комнату пулей пронеслась большая крыса.

– У, сволочь! – зарычал хозяин гостиницы, метко запустив в нее подвернувшимся под руку утюгом. Взвизгнув, крыса скрылась в норе.

– Опять подслушивал, гад! – констатировал Женя.

– Все сообщу в соответствующие органы, вы у меня ответите по закону! – злобно пропищала крыса откуда-то из-под

пола.

– Тоже оборотень? – спросил Витя.

– А как же, это Сережа Нелипович: по убеждению сталинист, по профессии архивист, по призванию – стукачок. Ночью подслушивает, подсматривает, а днем строчит доносы. Правда, их никто не читает: ментов, кроме крови, ничего не интересует, а гэбэшник здесь всего один, да и тот днем спит, а ночью в образе лисы скрывается в неизвестном направлении. Чем он там занимается, никто не знает, весь засекречен, но ему явно не до Сережиных писулек.

В этот момент дверь затрещала под тяжелыми ударами.

– Откройте – милиция! – прогнусавил противный хриплый голос.

– Не вздумайте пригласить в дом⁶, – посоветовал Круглов, снова превращаясь в волка.

Учватов, однако, проигнорировал предостережение и кинулся отворять. Прежде чем кто-либо успел его остановить, гаишник отодвинул засов. У порога стоял капитан милиции, ничем не отличающийся от сотен ему подобных.

– Позвольте войти, – глухо повторил он.

– Проваливай, гнида, – спокойно ответил Светлов, а волк-оборотень глухо зарычал.

– Товарищ капитан, – Учватов чуть не плакал от радости, – товарищ капитан, я тоже сотрудник милиции, старший

⁶ Согласно поверьям, первый вурдалак может войти в дом, только если его пригласят. Потом, правда, заходит уже беспрепятственно.

лейтенант ГАИ!

– Идите сюда и представьтесь как положено! – рявкнул Катов.

– Слушаюсь! – отчеканил Учватов, вытянулся во фрунт и промаршировал за порог. Однако представиться не успел.

Из рта капитана показались длинные острые клыки, потекли слюни. Радостно завыв, он вцепился Учватову в горло. Рядом, как из-под земли, выросли три сержанта. Они нетерпеливо поскуливали, дожидаясь своей очереди.

– Возьмите хоть к себе, в вурдалаки! – проскулил умирающий гайшник.

– У нас штат укомплектован! – прохрипел окровавленной пастью Катов, оторвавшись на миг от его шеи. – Ходют тут всякие! Сержант Петренко, ваша очередь, – добавил он, насытившись и поглаживая вздувшийся живот.

Восторженно взвизгнув, вышеупомянутый сержант припал к учватовскому горлу.

Хозяин гостиницы захлопнул дверь, скрыв от глаз присутствующих отвратительную картину.

С улицы послышался шум подъехавшей машины.

– Давай, давай, заноси, ногами вперед! – возбужденно кричали хриплые голоса. – Дайте мне, хоть капельку!.. Отойди, он уже пустой!.. Да нет, грамм двести осталось!..

Наконец голоса стихли, и, взревев мотором, машина уехала.

Светлов, по правде сказать, изрядно побледневший, огля-

дел своих товарищей по несчастью. Обе девицы валялись в обмороке, остальные с трудом удерживали позывы к рвоте. Только Вася казался спокойным, видать, притерпелся, да и Женьке-оборотню было наплевать.

– Не тушуйся, кореш, – сказал он Вите. – Ведь это везде так, только выглядит по-другому! Ладно, я пошел, – добавил волк и, прихватив баранью ляжку, направился к выходу. – Еще увидимся, братан!

Когда дверь за оборотнем закрылась, Светлов тяжело опустился на стул.

– Давай выпьем, что ли? – предложил он хозяину гостиницы и шоферу. Остальных Витя упорно игнорировал. Эта идея явно пришлась Васе по душе. Он вытащил из холодильника литровую бутылку водки, а также миску соленых огурцов.

– Не ради пьянства, а дабы не отвыкнуть! – произнес тост шофер, и все трое дружно жახнули по полному стакану. Затем, закусив и отдышавшись, еще по одному.

– Эх, что бы мы без нее делали?! – философски протянул Витя, закуривая сигарету. Шофер Коля промычал что-то одобрителное, вновь наполняя стаканы.

– А что теперь с гаишником нашим будет? – поинтересовался он.

– Наверное, служить отправят, – усмехнулся Вася.

– Служить?!

– Ну да, в ОЗОН.

– Что-что?

– ОЗОН. Отряд Зомби Особого Назначения. Здесь раньше отставной майор Меркулов проживал. Ну, когда Кашеевы богатства в музей выставили, он первым туда ринулся, и золотой медальон себе на шею нацепил. Однако лишь только майор до дому добрался, как превратился в говорящий дуб. Он и днем дуб, и ночью. Зато обладает волшебными свойствами. Притащат к дубу мертвеца, из которого душа вылетела, а он как рывкнет: «Па-а-дъем, равняйся, смирна!!!» – и мертвец на ноги вскакивает, в зомби превращается. Он ничего не соображает, зато любую «команду» выполняет беспрекословно. Так их уже целый батальон собрался. У Меркулова с мэром и Катовым договоренность, он своих зомби для поддержания порядка в городе использует. От ментов ведь наших толку мало, они только кровь сосать умеют. Днем зомби разгуливают по городу да лупят дубинками всех, кто подвернется, а ночью маршируют вокруг дуба. Так что выдадут вашему гаишнику берет, пятнистый комбинезон и в путь... Эх, жисть-жестянка! Давай, что ли, еще по одной...

Где-то вдалеке закричали первые петухи, близилось утро.

Глава 3

Утро, как все в этом городишке, оказалось промозглое, гнусное. Из-за свинцовых туч украдкой выглянуло солнце, блеклое и какое-то зачуханное. Тем не менее с первыми его лучиками вся чертовщина исчезла, и Кашеев теперь ничем не отличался от других провинциальных российских городов. Двинулись на работу трудящиеся, поползли переполненные автобусы, открылись винные магазины. Мимо гостиницы пробрели две вусмерть пьяные спотыкающиеся фигуры – даже непонятно, когда успели? Вышедший из-за угла озоновец в пятнистом комбинезоне огрел одного из них дубинкой, а заодно и какого-то случайного гражданина в очках. Короче, началась обычная жизнь. Раньше всех остальных туристов пробудился Александр Воеводин, да он, собственно, и не спал толком, так, задремывал иногда. Ворочался всю ночь прапорщик, изнывал. Ну как ему, бедняге, было спать спокойно, когда такие вещи кругом творятся?

Всю свою служебную жизнь Александр воровал. Другой жизни, той, которая была до, он почти что уже не помнил. Так, что-то туманное, расплывчатое. Иногда прапорщику казалось, что ему прямо в роддоме выдали сапоги, форму и определили в армию. Воровал он все: гвозди, доски, трубы, краску, в общем, что имелось в части, то и крал. Делать это было не особо сложно, главное, чересчур не зарываться,

с начальством не ссориться. К тому же оно, начальство то есть, и само было, так сказать... Ну да ладно. Так что жилось прапорщику совсем неплохо, особенно в последнее время. Недавно ему удалось спереть с АТВ⁷ гранатомет и продать рэкетирам. Родовались они, благодарили, заплатили хорошо и еще десяток заказали. Уж очень удобная штукавина. Едет, скажем, конкурент в машине, а ты ка-ак жахнешь туда гранатой!

Тем не менее жизнью своей Воеводин был недоволен: мучилась душа, терзалась. А как ей не мучиться? Вот, скажем, давно положил он глаз на бронетранспортер, долго ходил вокруг, облизывался. Но не по зубам оказался. Его командир дивизии куда-то сплавил, под видом металлолома, а себе «мерседес» купил.

Но это что! В соседней части ракетная установка исчезла, мистическим образом. Вечером была, а утром, глядь, – уже нет! Может, и не было вовсе. Может, это мираж был, обман зрения.

А он, ну, стащил гранатомет или там пару автоматов, ну, продал, разве это масштаб?

Вот и переживал прапорщик, знал, что способен на большее, но не дают ему дороги полковники да генералы всякие, затирают, губят талант!

Услышав о Кашеевых сокровищах, Александр окончательно потерял покой. Красть в армии было не то чтобы

⁷ Склад арт. – тех. вооружения.

очень опасно, но все же осторожность надо было соблюдать, не нагнеть.

А тут?! Лежит, понимаете ли, куча золота в музее: приходи, бери, никто слова не скажет, хоть все заграбастай! Правда, для этого безгрешным надо быть, а то превратишься во что-нибудь. При этой мысли Воеводин поежился. Или врут насчет превращений, да нет, сам вчера видел!

Александр начал припоминать свои грехи. Пил? А кто не пьет?! Воровал? А кто не ворует?! Да и грех не воровать, когда само в руки просится! Жену бил по пьяни? Так пусть, дура, под руку не лезет! Начальству задницу лизал! А кто не лижет? И т. д. и т. п.

Размышлял прапорщик таким образом целый час, и неожиданно его осенило: да ведь он же безгрешный! Праведник! Подавленный осознанием собственной святости, Александр на некоторое время застыл словно изваяние. Как он раньше об этом не догадывался? Из-за скромности, наверное! Немного опомнившись, прапорщик покосился в зеркало: не видать ли нимба над головой? Нет, не видать, но, может быть, их и не бывает вовсе? Сказки, религиозный дурман! Тут вдруг его подбросила с кровати неожиданная мысль: надо срочно бежать в музей, пока не опередили другие туристы! Они-то все сволочи, конечно, но сопрут золотишко, потом ищи-свищи. Его, родимое, и оборотень может в зубах уволочь!

Лихорадочно одевшись (на умывание не было времени),

Воеводин выскочил на улицу. Теперь узнать дорогу – и бегом туда, бегом! Однако это оказалось не так-то просто. Услышав слово «музей», прохожие шарахались от прапорщика как от зачумленного, некоторые крестились. Промаявшись таким образом с полчаса, Александр совсем было отчаялся, как вдруг из-за угла появилась пятнистая фигура. При виде ее прохожие привычно кинулись врассыпную. Улица опустела. Фигура двигалась по прямой, мерно печатая шаг. Одета она была в защитный комбинезон. Голову украшал лихо заломленный берет. В руке фигура держала резиновую дубинку. Внимательно приглядевшись, Воеводин узнал Учватова. Лицо бывшего гаишника было смертельно бледно, глаза ту-по уставились в одну точку.

– Эй, эй, здорово! – обрадовался Александр. – А я думал, помер ты! Покажи дорогу к музею, а?

Учватов медленно обернулся. Его неподвижный мертвый взгляд заставил прапорщика содрогнуться.

Топ, топ-топ – строевым шагом – топ, топ.

– А-а! Ты чего делаешь?!

Приблизившийся Учватов ударил Воеводина дубинкой по голове.

– Ты сдурел?!

Шмяк. Учватов огрел прапорщика еще раз, и тот, как мокрая жаба, плюхнулся на мостовую.

Хрясь. (Удар ногой под ребра.) Хрясь.

– Не надо! – проскулил прапорщик, пытаясь отползти в

сторону.

– Первый, первый, я триста восемнадцатый, как слышите, прием, – монотонно пробубнил Учватов в рацию. – Объект отползает, что делать? Прием!

– Соппротивление! Карается! Задержать! – рявкнул из рации командирский бас.

– Вас понял, вас понял, приступаю к задержанию, – прогнусавил, доставая наручники, бывший гаишник, а ныне сотрудник ОЗОНа Семен Учватов.

– Помогите!!! – диким голосом заверещал Воеводин и, собрав остатки сил, ринулся наутек. Озоновец, бряцая наручниками и размахивая дубинкой, затопал следом.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, но тут на помощь прапорщику пришел Его Величество Случай. Из подъезда ближайшего дома вышел молодой парень в кожаной куртке. Парень сладко потянулся, зевнул и направился к стоящей напротив коммерческой палатке. Пивка, наверное, хотел купить или сигарет.

При виде его зомби застыл на мгновение, в мертвых глазах вспыхнуло торжество.

– Первый, первый, я триста восемнадцатый, – забубнил он в рацию. – Вижу кожаную куртку, высылайте подкрепление!

– Подкрепление высылаю! Не терять преступника из виду!!! – немедленно отозвался Первый...

О Воеводине на время забыли. Воспользовавшись этим обстоятельством, он юркнул в подворотню, благословляя

судьбу и гадая о причинах загадочной ненависти зомби к кожаным курткам.

На самом деле все объяснялось просто.

Неделю назад Первый, он же говорящий дуб майор Меркулов, получил директиву об усилении борьбы с организованной преступностью. Долго размышлял дуб, как распознать мафиози, скрипел, кряхтел, даже несколько веток засохло и осыпалось, наконец, додумался. Вспомнил майор, что видел как-то по телевизору арестованного рэкетира. Тот был одет в кожаную куртку. Дуб отличался железной логикой. Раз этот так одет, значит, и другие на него похожи. Поэтому Меркулов приказал своим зомби хватать всех, кто в кожаных куртках, тащить к нему, а там лупить дубинками, пока не сознаются. Борьба с организованной преступностью являлась одной из первоочередных задач ОЗОНа, вот почему Учватов прекратил преследовать Воеводина.

Тем временем тот, воровато оглядываясь, крался задворками по направлению к мэрии. Уж там-то точно объяснят, где музей!

На площади, перед входом в мэрию, проходила демонстрация. Руководил ею лично товарищ Рожков, тот самый, что не поступился принципами и ночью превращался в чурбан. Сейчас он был снова в человеческом облике и одет в приличный костюм, от которого, правда, пахло шакальей мочой. Рядом с ним находились два дюжих телохранителя, один из которых держал красный флаг, а второй – три

ящика водки.

Полтора десятка демонстрантов с угрюмыми, похмельными физиономиями жадно поглядывали на бутылки.

– Не поступимся принципами! – с пафосом вещал товарищ Рожков.

– Угу, не поступимся, – вяло отвечали алкаши.

– Долой буржуев и предателей-демократов!!!

– Долой, долой!

– Грабь награбленное!!!

– Пограбим, ух пограбим! – оживились демонстранты.

– А теперь выпьем за победу народной революции!

– Ура-а-а!!! – восторженно завопили все, кидаясь к вождленным ящикам.

Никем не замеченный, Александр благополучно прошмыгнул в мэрию. Внутри здания было пустынно. Пахло пылью и протухшими объедками. Проблуждав некоторое время по извилистым коридорам, прапорщик наконец уткнулся в массивную дверь, обитую черной кожей. Бронзовая табличка гласила, что за ней должен находиться А. К. Шевцов собственной персоной. Робко постучавшись и не дождавшись ответа, Воеводин бочком протиснулся в помещение.

А. К. Шевцов важно восседал за огромным столом, покрытым скатертью зеленого сукна. Он разговаривал сразу по двум телефонам, одновременно ставя резолюции на каких-то документах. На столе, на стульях, на полу высились пирамиды исписанной бумаги. Стены украшали лозун-

ги, призывающие крепить демократию, гласность, рыночную экономику и т. д. Короче, господин мэр казался неприступным и настолько занятым, что беспокоить его было даже как-то неудобно.

– Да, конечно, боремся, укрепляем, демократизируем, развиваем, – отрывисто, но вместе с тем чуть-чуть подобострастно бросал он в первую трубку.

– Миллион – это не сумма, Арнольд Рафкилович, – мурлыкал Шевцов во вторую, благоразумно прикрывая рукой мембрану первой. – Давайте три, тогда договоримся!

– А еще мы боремся с коррупцией, – тут же сообщал Аркадий Кимович другому собеседнику.

– Ладно, Арнольд Рафкилович, пусть будет два, согласен, – закончил он разговор по второму телефону.

– Всенепременно, обязательно выполним! – вслед за этим отчеканил Шевцов и бережно опустил на рычаг трубку.

Александр уже было открыл рот, собираясь заговорить, как неожиданно заверещал третий телефон, за который мэр тут же ухватился.

– Сколько, пятнадцать? Ха-ха, ну пусть продемонстрируют, а Рожкова мы ночью того, описаем! ОЗОН нечего зря беспокоить. Ловите «кожаные куртки».

Покончив наконец с телефонными разговорами, господин Шевцов немедленно зарылся в бумаги, да так глубоко, что его и видно не стало.

– Э-это, как его, разрешите обратиться? – проямлил

уставший от ожидания Воеводин.

– Сегодня неприятный день, – ответил мэр павлиньим голосом, не вылезая из-под бумаг. – Зайдите через месяц!

– Я к вам по личному, подарочек хотел сделать ко дню рождения! – прошептал сообразительный прапорщик, как бы между прочим вытащил из кармана стодолларовую бумажку и начал ею обмахиваться, словно веером.

Из вороха документов высунулся длинный нос, увенчанный массивными очками в золотой оправе, понюхал воздух, хмыкнул презрительно и снова скрылся.

Тогда отчаявшийся Воеводин добавил к упомянутой бумажке еще четыре таких же и наконец удостоился лицезреть Аркадия Кимовича целиком.

– Кхе, гм, присаживайтесь, господин... как вас? Господин Воеводин? Присаживайтесь! – павлиний голос стал мягким и вкрадчивым.

Прапорщик послушно присел, с удивлением обнаружив, что пятьсот долларов, которые он только что держал в руке, мистическим образом исчезли, хотя мэр к ним вроде как и не притрагивался. Кащеев был поистине волшебным городом!

– Так какое у вас дело, говорите? Мы тут, знаете, без бюрократии, не то что в застойные времена! Всегда идем народу навстречу, несмотря на непомерную занятость!

Александр сбивчиво и путано начал излагать суть своего дела. Он бы долго блуждал в придаточных предложениях, но Шевцов понял все с полуслова.

– Приобщиться, стало быть, хотите? Похвально, похвально!

– А правда, что с собой можно брать? – робко поинтересовался прапорщик.

– Конечно, конечно, мы всегда за приватизацию! – широко улыбнулся Аркадий Кимович. – Музей тут рядом, в соседнем кабинете. Пройдемте, молодой человек! Вот сюда, пожалуйста...

Увидев перед собой кучу сверкающих драгоценностей, Александр взвыл нечеловеческим голосом и, позабыв обо всем на свете, ринулся вперед, жадно запуская руки в самую ее середину.

Постепенно вой прапорщика начал переходить в похрюкивание.

Глава 4

Между тем в гостинице «Мечта» просыпались остальные туристы. Сперва поднялись Витя, Вася и шофер, поглядели друг на друга заплывшими глазами и дружно ухватились за тяжелые после вчерашнего головы. Затем, тяжело кряхтя, стена и охая, побрели на кухню опохмеляться.

Обе девицы вскочили разом. Они спали в одной комнате, и, хоть сильно отличались друг от друга социальным положением, возрастом и жизненным опытом, головы их занимала одна и та же мысль. Каждой снились ночью бриллиантовые кольца, бальные платья, золотые украшения и... ну, впрочем, всем известно, о чем грезит большинство девиц. Проснувшись, они скептически оглядели одна другую и бросились к зеркалу, едва не столкнувшись лбами.

– Доброе утро, Света, – со змеиной ласковостью прошипела Марина. – Чего же вы так рано, в вашем возрасте дольше отдыхать следует!

– Зря ты в зеркало смотришься, Мариночка, – не осталась в долгу путана. – Нервы нужно беречь!

Обменявшись таким образом любезностями, наши красавицы принялись лихорадочно наводить макияж, время от времени перебрасываясь ехидными репликами.

– Какая у тебя фигура, Марина! Только вот в талии убрать килограммов шесть, зато ноги хорошие, худые!

– Светлана, я просто восхищаюсь вашим платьем, ему бы еще воротник повыше, чтобы морщин на шее видно не было!

Закончив косметику и как следует размяв языки, девицы как ни в чем не бывало уселись рядом на диване, закурили по сигарете и принялись перебивать косточки остальным туристам. Покончив с этим делом, они перешли к глобальным жизненным проблемам и в конце концов сошлись на мысли, что «все мужики сволочи». Придя к подобному выводу, обе начали всхлипывать и целоваться. Неизвестно, насколько бы затянулся данный процесс, скорее всего до глубокой ночи, как вдруг Марина востропнулась, осушила слезы и, искоса поглядывая на подругу, направилась к выходу.

– Я пойду... – начала она.

– В музей, – закончила фразу Света, поднимаясь следом. О проклятии и оборотнях они, естественно, не подумали.

Выйдя на площадь, девушки очутились в самой гуще демонстрантов. Численность революционно настроенных алкашей значительно возросла, а телохранители товарища Рожкова сбились с ног, бегая за водкой. Откровенно говоря, теперь в митинге участвовали не только пьяницы. Ряды демонстрантов пополнила группа пенсионеров с ожесточенными лицами и портретами Сталина. Около них отирался Сережа Нелипович, на этот раз в человеческом обличье. Он благоговейно взирая на многочисленные лики «вождя всех народов». От восторга его утиный нос покрылся крупными каплями пота, а очки затуманились. Пенсионеры одобри-

тельно поглядывали на Нелиповича, время от времени давая отеческие наставления.

– Да, было время, – тяжело пыхтел толстый ветеран войск НКВД. – Не то что сейчас! Тогда всех к стенке, тогда...

Но что еще было «тогда», Сережа не дослушал. В поле его зрения попали Марина со Светой, и Нелипович тяжело задышал, обильно потея. Была в жизни Сережи, кроме стукачества и Сталина, другая страсть, самая главная, а именно женщины. Он хотел их, желал, любых, каких угодно, а они его нет! Все девушки при виде Нелиповича испытывали непреодолимое отвращение. Ради секса он был готов на все, даже жениться, но, услышав его косноязычное предложение «руки и сердца», особы женского пола бежали прочь как черт от ладана. Поэтому бедняге приходилось удовлетворяться при помощи порнографических картинок, грустно уединившись в туалете.

Увидев наших красоток, он начал дрожать как в лихорадке, исходя слюнями и нервно протирая очки.

Ветеран НКВД, заметив, что подающий надежды молодой патриот его больше не слушает, сперва удивился, затем понял причину и грозно засопел, как закипающий самовар. Закипал он минуты три и, наконец, взорвался истошным криком:

– Вот они, врагини народа, сеющие моральное разложение! В то время их бы всех за колючку, ишь размалевались, подстилки буржуйские! Мы тогда были чисты!

Ветеран возмущался абсолютно искренне, по причине склероза запамятавав, что в «то время», будучи начальником женского лагеря, он изнасиловал всех своих зэчек, которые были хоть немного симпатичнее крокодила.

– Бей буржуйских подстилок! – пискливо вторила ему седенькая старушка в красной косынке, замахиваясь клюкой.

Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Марина со Светой бросились бежать. Бежали они долго и когда наконец остановились, то поняли, что заблудились. Тяжело дыша, девушки пытались сообразить, что делать дальше. Людей вокруг видно не было. Безуспешно Марина и Света стучались в двери одноэтажных домиков (это была, по-видимому, окраина города). Никто не отзывался. Домики казались абсолютно вымершими. Красотки наши вконец отчаялись, как вдруг заметили приоткрытую дверь, к которой тянулась цепочка лисьих следов. С решимостью камикадзе они кинулись туда, плача и вызывая о помощи. Из-за двери высунулась физиономия хозяина.

– Тс-с-с! – прошипел он, прижимая палец к губам и внимательно разглядывая девиц. – Евреи в роду есть? А родственники за границей? Тогда заходите, – услышав отрицательные ответы, прошептал незнакомец. – Только тихо, кругом враги!

Марина со Светой послушно прокрались вслед за ним и очутились в большой комнате, окна которой были завешаны черными шторами.

– Садитесь, – все так же шепотом предложил хозяин дома. – Но не шумите, жидомасоны подслушивают!

Это был, как вы, наверное, догадались, местный представитель министерства безопасности лейтенант Петр Сидоров, он же лиса-оборотень.

Тяжело жилось лейтенанту в последнее время, инструкции от начальства поступали какие-то туманные, уклончивые, ни то ни се. Что делать? Непонятно! Между тем лейтенант был честен и даром есть свой хлеб не хотел. Поэтому решил Петр действовать на собственный страх и риск, авось оценят потомки, может, даже звание очередное присвоят, посмертно. Долго размышлял Сидоров относительно творящихся в Кашееве гадостей и наконец понял, что виной всему жида! Ну что, скажите на милость, кроме жидомасонского заговора, может довести людей до подобного безобразия? Принялся тогда лейтенант выискивать затаившихся гадков, на всех жителей города досье собрал, генеалогию каждого составил до седьмого колена, но, как ни старался, ни одного жида не обнаружил. Куда ни плюнь – сплошной русский Ванька, ну на худой конец мордвин или татарин. Не понимал, бедолага, что евреи-то все больше в столицах водятся или на курортных побережьях. Пригорюнился Петр, в меланхолию ударился, но недавно, когда лисой стал, вдруг догадался, в чем дело. Понял он, что жида-то вот они, под зайцев замаскировались и оттуда, из леса, козни свои строят. До чего же хитры, сволочи!

Вот почему лейтенант каждую ночь, превратившись в лису, зайцев в лесу отлавливал и изничтожал. Совсем извелся он, исхудал, осунулся, поесть толком времени не было... А зайцы все не переводились. Плодовиты, злодеи!

Все это лейтенант вкратце поведал своим гостям, не переставая при этом тревожно озираться и прислушиваться. Затем, вспомнив о служебных обязанностях, принялся составлять на девушек досье. Дело это хлопотное, кропотливое, государственное значение имеющее! Петр, как нам известно, офицером добросовестным являлся. Начал он с каверзно составленного вопросника (личная заслуга лейтенанта!). Там содержалось пятьдесят вопросов, сформулированных так хитро, что, будучи поочередно заданы, они превращали любого в закоренелого преступника, для которого высшая мера была еще слишком мягким наказанием. При этом Сидоров пронзал девиц таким огненным взглядом, что они тряслись как в лихорадке. Уличив Марину со Светой во всех смертных грехах, он малость подуспокоился, так как еврейских кровей не обнаружил.

– Да, гражданки, плохи ваши дела, – произнес лейтенант, устало зевая.

– Но как быть нам, что теперь будет?! – жалобно заскулили девицы.

– Выход только один! – сурово изрек Петр. – Добровольно содействовать органам госбезопасности в деле искоренения жидомасонского заговора!!! Вам дорога отчизна?! То-то

же!!!

Еще через час, заполнив необходимые документы и дав подписку о неразглашении, наши красотки как ошпаренные выскочили на улицу. Минут пять они неслись со всех ног куда глаза глядят, пока полностью не выбились из сил. Плюхнувшись прямо на землю, девушки, тяжело дыша, ошалелыми глазами уставились друг на друга. Солнце тем временем клонилось к закату. Лейтенант, оказывается, промурыжил их целый день. Немного отдышавшись, Марина со Светой обнаружили, что находятся около уже небезызвестного читателю обшарпанного красного здания. Солнце опускалось все ниже, ниже, и внутри отделения милиции начали раздаваться какие-то странные звуки: скрип, тяжелые вздохи, кряхтение.

Это сотрудники, пробуждаясь от дневной спячки, выползали из гробов. В окно высунулась заспанная физиономия капитана Катова, с мешками под глазами и окровавленным ртом. (Пользуясь служебным положением, перепил вчера кровушки.) Заметив девушек, он жадно облизнулся длинным, тонким языком.

Взвизгнув, они снова ринулись бежать.

Бам-м-м – Марина со всего размаха врезалась в какой-то столб и уже собиралась закатить истерику, как вдруг замерла, охваченная сладостным трепетом. На столбе был прикреплен указатель с лаконичной надписью: «Музей». Где он находился, читателю уже известно, и вскоре Марина со Све-

той оказались перед зданием мэрии. Площадь к этому времени почти опустела. На ней осталось только несколько вусмерть пьяных патриотов, лежащих вповалку, пустые бутылки да товарищ Рожков.

Заметив девушек, он хотел что-то сказать, но неожиданно охнул и превратился в чурбан. Из здания мэрии по очереди вышли ее сотрудники во главе с Шевцовым, ехидно поглядели на чурбан, обернулись шакалами и... ну, впрочем, вы уже знаете, что они с ним делали каждый вечер.

Девуцы же, охваченные золотой лихорадкой, даже не обратили внимания на эти события. Сломая голову они носились по запутанным коридорам и – о счастье! очутились вдруг прямо перед широко распахнутой дверью музея. Внутри, прямо на полу, валялись разбросанные украшения. Марина со Светой упали на них животами, причем каждая норовила подгрести под себя побольше.

– Мр-р-яу! – через некоторое время заявила Света.

– Пш-ш-ш!!! – ответила Марина, выпуская когти.

Глава 5

Вернемся, однако, к остальным нашим героям.

Витя, Вася и Коля, как мы уже знаем, первым делом направились опохмеляться. Какие там, к чертям собачьим, сокровища, оборотни, вурдалаки, когда башка раскалывается! Когда живот подвело, тошнотный кашель рвется из груди, а в глазах круги фиолетовые плавают! В запасах хозяина оказалась только водка. Опохмеление таким образом почти наверняка означает новую пьянку, но... Да чего уж там, сами знаете! Короче, приняли они по стакану, занюхали огурцом, и вроде полегчало ребятам.

– Да, – нарушил молчание Коля. – Дела!

– Угум, – пробурчал Светлов. – Наливай по новой!

Через полчаса новоявленные друзья были изрядно «под градусом».

– Я – и-ик – вот что думаю... – глубокомысленно подняв палец, начал было Вася, но речь его неожиданно прервал резкий звонок в дверь. Открыв ее, он впустил нового гостя, увидев которого Светлов и шофер взвыли от ярости. На пороге стоял господин Шуллерман собственной персоной!

Появлению Бориса Яковлевича в гостинице «Мечта» предшествовали следующие события...

Отправив последнюю партию облапошенных туристов, господин Шуллерман довольно хихикнул. Хихиканье, прав-

да, получилось каким-то визгливым: здорово проклятый бандюга горло помял! Ну да черт с ним! Главное – денежки, доллары, грины!!! Пересчитав их несколько раз, Борис Яковлевич любовно поцеловал толстую пачечку и бережно положил в карман.

«Ах, денежки, как я люблю вас, мои денежки, вы лучше самой легкой музыки приносите покой!» – пропел он от избытка чувств, направляясь к выходу. Уже сегодня он будет на «земле обетованной», где прочно окопались тетя Бася с дядей Изей. А там... Господин Шуллерман запер дверь офиса, повесил на двери табличку «Буду завтра» и, овеянный сладкими грезами, вышел на улицу. Замечтавшийся коммерсант не заметил, как к нему подошли два дюжих молодца с короткими стрижками. Опомнился он, лишь когда его крепко взяли под руки, а в бок уткнулось холодное дуло пистолета.

– Только вякни, завалю, падлю! – тихо произнес хриплый голос.

Ошалевшего Шуллермана запихали в машину, которая тут же рванулась с места. Затуманенным рассудком он осознал, что находится на заднем сиденье, крепко сжатый по бокам крепкими парнями. Покосившись по сторонам, он задрожал в ознобе: физиономии парней оказались пострашнее, чем у Светлова. Ребятам было на вид лет двадцать с небольшим, а в их глазах отражалось горячее желание, чтобы Борис Яковлевич «вякнул» и можно было его завалить.

На переднем сиденье, рядом с водителем, находился еще

один человек, судя по всему, главный в этой компании. Тот, напротив, выглядел весьма респектабельно: никаких наколок и фикс, дорогой костюм, красиво уложенные волосы с сильной проседью, благородный профиль. Ни дать ни взять респектабельный бизнесмен высокого полета. С добродушной улыбкой на губах «бизнесмен» обернулся к перетрусившему Шуллерману.

– Попался, козел, – ласково произнес он. – Думаешь, мы не знаем, как ты лохов обувал⁸.

Улыбнувшись еще шире, «бизнесмен» вдруг резко ткнул Бориса Яковлевича в горло двумя пальцами.

– Вы ошибаетесь, – корежась от страшной боли и задыхаясь, прохрипел Шуллерман. – Я бедный, нищий...

– Заткнись, фуфло, – все так же ласково перебил его главарь. – Бабушке своей будешь в уши дуть, если, конечно, жив останешься!

Тут он помахал перед носом Шуллермана пачкой долларов, которую тот недавно так нежно целовал.

– Это после-е-едние...

– Заткнись!

Машина тем временем подъехала к дому Шуллермана, и парни со зверскими рожами мигом приволокли его на третий этаж, где Борис Яковлевич снимал квартиру. Респектабельный главарь не торопясь поднялся следом. Он уселся в кресло, благожелательно наблюдая, как подручные привязы-

⁸ Обманывал.

вают раздетого по пояс Шуллермана к стулу напротив. Благожелательность его объяснялась просто: жиденок в дерьме по уши и уж никак к мусорам не побежит, а бабок здесь должно быть – море!

– Ну, пидор, говори, где лавы⁹ прячешь, – улыбнулся он Борису Яковлевичу, прикуривая сигарету. – Да про рыжье¹⁰ не забудь!

– Нет, нет ничего, последние забрали, вконец обобрали! – закричал тот, перед угрозой полного разорения обретя нечто вроде мужества.

– Ах, какой несознательный, какой непослушный старый жид! Саша, поищи-ка утюжок!

Саша с ловкостью опытной ищейки моментально приволок требуемое. Другой бандит крепко прикрутил веревкой «утюжок» к голому животу Шуллермана.

– Ну как, не передумал? Тогда включайте, ребятки!

Когда жар стал нестерпимым, Борис Яковлевич завизжал во все горло...

– Больно, да? – участливо осведомился главарь. – Ничего, это только начало!

– Снимите а-а-а!!!

– Покажешь?

– Да, да – у-у-у-у!!!!

Когда все богатства Шуллермана перешли в руки рэкетни-

⁹ Деньги.

¹⁰ Золото.

ров, главарь присвистнул от удивления:

– Ну и ну, совсем неплохо!!!

Борис Яковлевич корежился и скулил от боли, дожидаясь ухода незваных гостей. Те, однако, не торопились. Давешний Саша растер обожженный живот какой-то мазью. Боль несколько утихла.

Другой мордovorот вытащил из бара бутылку дорогого коньяка и разлил в две рюмки.

– Выпей, дружок, – улыбающийся главарь пододвинул одну из них белому как мел Шуллерману. – Наш разговор еще не закончен, подкрепись, родимый! Я таких, как ты, говнюков на дух не переношу! – Перемена, произошедшая с ним, была разительна: голос, прежде мягкий, стал резким, угрожающим, а глаза сделались совершенно волчьими.

– Помнишь свою аферу в Н... ске? Ты ведь, пидор, мою дочку там надул. Так мы на тебя и вышли. Думал, если в другой город переедешь, не найдут? Так вот, за это самое будешь возмещать моральный ущерб! Пятьдесят тысяч долларов! Закрой пасть! У тебя друзья есть, родственники!!!

Борис Яковлевич попытался было объяснить, что родственники за границей давно, а друзья, бывшие друзья, сами разыскивают его с кровожадными намерениями.

Однако слушать Шуллермана бандиты не стали и снова запихали в машину. Ехали долго. Волей случая это оказалась та самая дорога, по которой уехал уже известный читателю автобус фирмы «Ритуал».

Наконец остановились посреди глухого леса.

– Поработайте, мальчики! – мурлыкнул главарь, усаживаясь на пенек с сигаретой в зубах.

Мальчики шустро выкопали заранее припасенными лопатами глубокую яму, запихали в нее Шуллермана и засыпали его землей. На поверхности осталась одна голова.

– Отдохни тут до утра, подумай на досуге! – услышал он напоследок, и, зарывав мотором, машина уехала.

Время тянулось нестерпимо долго. Дышалось тяжело, лицо густо облепили комары, все более наглевшие от своей безнаказанности. Наконец, казалось, через целую вечность, фортуна все же улыбнулась Борису Яковлевичу. Вдалеке слышались голоса, и на поляне появились, пьяно покачиваясь, два алкаша. Один из них волочил внушительную авоську, доверху набитую бутылками дешевого портвейна. Мужики проживали в ближайшей деревне. Сегодня была получка, и они, удрав из-под бдительного ока жен, решили расслабиться на природе. Некоторое время оба удивленно таращились на торчащую прямо из-под земли голову.

– Гля, Федька, Саид! – вдруг осклабился один, вспомнив фильм «Белое солнце пустыни».

– Может, выкопаем? – после некоторого раздумья отозвался другой.

– А че, давай!

Извлеченный из земли Шуллерман, даже не поблагодарив своих спасителей, со всех ног кинулся прочь.

«Бежать, бежать! — колотилась в голове истошная мысль. — Бандюги утром вернутся!..»

На едином дыхании доскакав до окраины деревни, он плюхнулся в стог сена и забылся тяжелым сном. Утром на шоссе ему удалось поймать шофера-дальнобойщика. Без всяких приключений, поскольку гаишники уже спали, Борис Яковлевич добрался до города Кашеева. Он не имел ни денег, ни определенного плана действий, но надеялся, что как-нибудь выкрутится. Однако, зайдя в гостиницу «Мечта», Шуллерман понял, что попал «из огня да в полымя»...

— Попался, сука! — завопил Светлов, запуская в него пустой бутылкой.

Борис Яковлевич ловко увернулся и бросился бежать со скоростью, сделавшей бы честь любому олимпийскому чемпиону в беге на длинные дистанции.

Витя с Колей, горящие праведным гневом, рванули следом, изрыгая поток проклятий.

Но выпитая с утра водка давала о себе знать, и через пару кварталов они, разом споткнувшись, шлепнулись наземь. Некоторое время оба сидели на дороге, тяжело дыша, затем заметили покосившийся домишко с вывеской «Бар» и, не сговариваясь, двинулись туда.

Борис Яковлевич тем временем петлял по городу, запутывая следы. Под вечер полностью выдохшийся коммерсант наконец остановился. Воздух с хрипом вырывался из легких. Преследователей нигде видно не было. «Я от бабушки ушел,

я от дедушки ушел», – мелькнула в голове фраза из детской сказки. Да не тут-то было!

По иронии судьбы-злодейки Шуллерман оказался как раз напротив дома, где проживал лейтенант Сидоров.

Тот после ухода завербованных девиц сидел у себя в комнате за столом, предаваясь грустным размышлениям. Всю ночь Петр, не зная отдыха, рыскал по лесу, но безрезультатно. Перевелись зайцы, всех передушил, а в городе ничего не изменилось! Под кого же еще могли гады замаскироваться?! Надо сказать, что окрестности Кашеева не отличались богатством животного мира. Кто, скажите на милость, кроме людей да всякой нечисти, будет жить в этом проклятом Богом месте? Правда, видел он как-то белку. Рыжая, глаза черные, вороватые какие-то. Может, она...

Внезапно в дверь постучали.

Петр открыл и замер, словно громом пораженный. Нет, не может быть! Он протер глаза. Точно, ну везение! Натуральный, типичный, махровый!!!

– Попался, гнида! – заорал опомнившийся лейтенант, хватывая из кобуры пистолет. – Вы арестованы, – добавил он официальным тоном, – пройдемте!

Глава 6

В то время как Светлов с шофером гонялись за господином Шуллерманом, в гостинице пробудились ото сна братья Рыбаковы. Сергей и Аркадий задремали лишь под утро, им тоже не давали покоя Кашеевы сокровища. Братья относились к той весьма многочисленной ныне породе бизнесменов, которая живет все время в долг, не делая при этом ничего путного. Особи данного вида занимают, перезанимают, берут кредиты, заключают договора с предоплатой. Естественно – долги и кредиты они не возвращают, договора не выполняют, да и не собираются этого делать. А зачем, спрашивается? Государство обманутому бедолаге помочь не может. Арбитражный суд – ерунда. Подождет кредитор, подождет и начнет названивать по телефону, сердечный. А ему в ответ: «Нету Сергея», «Только что вышел», «Еще не пришел» и т. д. Если же вдруг сумеет он чудом отловить своего должника, то услышит заверение, что завтра, ну, в крайнем случае через неделю, долг будет возвращен. Так и кормится обещаниями.

Все бы хорошо, жить да жить братьям Рыбаковым, на «мерседесах» ездить, в ресторанах кутить, с красивыми девочками спать, но одна загвоздка. Мафия! Бывает, что обманутый, вконец отчаявшийся кредитор обращается к бандитах с просьбой помочь. Те рады стараться – за солидное

вознаграждение, естественно.

Поймают выжигу-должника, встрясут, как Буратино, а будет ерепениться – голову отстрелят или еще чего. Правда, и у них работа нелегкая: бизнесмен нынче хитрый пошел, крученный, как пороссячий хвост. Нюхом чует опасность, прячется, правда, в большинстве случаев безуспешно.

Братья Рыбаковы оказались как раз в подобной ситуации. Полгода назад они заключили договор на поставку бензина. Деньги взяли вперед, астрономическую сумму. Бензина они, конечно, не поставили, по правде сказать, и взять его им было неоткуда, а деньги растранижили. Глава фирмы, возжелавшей купить бензин, оказался, как на грех, «под крышей»¹¹. Сперва он ждал, потом долго пытался связаться с братьями по телефону, затем все это ему надоело.

Бандиты взялись за дело решительно. Для начала заехали в офис к Рыбаковым и предупредили:

– Через неделю долг не вернете – плохо будет.

Те, прижав руки к груди, заверили: «Вернем, всенепременно вернем, даже раньше!» Когда бандиты уехали, Аркадий прямиком побежал в милицию с заявлением, что им угрожают неизвестные личности, вымогая деньги. Там обещали разобраться. Ровно через неделю в квартире братьев зазвонил телефон.

¹¹ Находиться «под крышей» – платить дань какой-либо мафиозной группировке, а те, в свою очередь, его защищают, исполняя, по сути дела, обязанности государства по отношению к налогоплательщику.

— Что, козлы, мусорам жаловаться решили. — Голос на другом конце провода был полон ярости. — Теперь заказывайте гробы!

В трубке слышались короткие гудки.

На следующую ночь в окно влетела граната. Аркадия с Сергеем, которым фортуна до поры до времени улыбалась, не было дома: загуляв с девочками, напились так, что оказались не в состоянии сесть за руль. Квартиру между тем разнесло основательно. Аркадий снова побежал в отделение и, всучив начальнику приличную сумму, потребовал личную охрану. Круглые сутки вертелись переодетые оперативники вокруг дома Рыбаковых (в офис братья пока не ездили). На квартире две недели сидела засада, но без толку. Бандиты тоже были «не лыком шиты». Наконец охрану сняли. На следующий день, когда Сергей выходил из подъезда, из проезжавшей мимо машины по нему полоснула автоматная очередь. На свое счастье, бизнесмен в этот момент споткнулся, поэтому остался жив, а то бы точно в решето превратился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.